

«Доказательство от противного»: первые 9 месяцев «сухого закона» 1914 г. и благосостояние населения России

Аннотация: Запрет продажи спиртных напитков одновременно с Высочайшим указом 16 июля 1914 г. о мобилизации и его пролонгация (22 августа 1914 г.) до конца военного времени рассматривается в статье в контексте продолжающейся в историографии дискуссии об уровне благосостояния населения пореформенной России. Одним из пунктов полемики является потребление алкоголя населением страны после 1861 г. В статье на основании как статистических, так и нарративных источников показано, что стремление преуменьшить роль расходов на алкоголь в семейных бюджетах, а шире – значение потребления спиртного в жизни населения страны – не имеет под собой серьезных оснований. В частности, с введением сухого закона резко возросли вклады населения в государственные сберегательные кассы, уменьшились различные виды задолженности населения, улучшилось его питание, а также бытовые и жилищные условия, увеличились закупки сельскохозяйственной техники и т.д. Одновременно сократились болезни, пожары, нищенство, прогулы рабочих по неважным причинам и др.

Annotation: The article examines the alcohol sales prohibition, at the same time with the Imperial Decree of 16 July 1914 on military mobilization, and its prolongation (22 August 1914) until the end of the war, in the context of an on-going historiographical discussion on the population's level of well-being in post-reform Russia. One of issues subject to controversy is the question of alcohol consumption by the population after 1861. The article demonstrates, based on both statistics and narrative sources, that the attempt to diminish alcohol expenditures per household and, more generally, the sense itself of alcohol consumption within the population is not seriously founded. In particular, after the introduction of the alcohol prohibition law the population's deposits in government savings banks dramatically increased, various types of personal debts decreased, nutrition improved, as well as living and housing conditions, and purchases of agricultural machinery augmented, and so on. At the same time, diseases, fire accidents, poverty, unjustified workplace absenteeism, and more – decreased.

Ключевые слова: Первая мировая война, сухой закон, голодный экспорт, питьевой доход, благосостояние населения, потребление алкоголя, душевое потребление, вклады и сбережения, история России, семантическая инфляция.

Key Words: World War I, Alcohol Prohibition, "hungry export", drinking income, population well-being, alcohol consumption, consumption per capita, deposits and savings, Russian history, "semantic inflation".

Как известно, одновременно с Высочайшим указом 16 июля 1914 г. о мобилизации было объявлено о запрещении продажи спиртных напитков в России, а 22 августа 1914 г. запрет был продлен до конца военного времени.

Эта удивительная для истории России акция правительства и ее разнообразные последствия, ближайшие и отдаленные, очень интересные и сами по себе, позволяют вместе с тем внести ясность в некоторые важные проблемы довоенной истории.

Одним из пунктов продолжающейся дискуссии об уровне благосостояния населения пореформенной России стало потребление алкоголя населением страны в пореформенный период.

В 2013 г. А. В. Островский, сторонник «пессимистического» подхода к пореформенному развитию России, подверг критике построения автора этой статьи, а также и Б. Н. Миронова, поддержавшего высказанную впервые в 2003 г. точку зрения, согласно которой невозможно судить о благосостоянии населения страны, иг-

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 12-06-00169

норируя весьма серьезные расходы последнего на алкоголь.¹

Не имея возможности в рамках данной статьи разобрать все аргументы А. В. Островского, остановимся на его заключении: «Хотя расходы на водку отнимали у крестьянской семьи необходимые ей средства, доля этих расходов была относительно невелика, поэтому утверждения и насчет того, что пьянство являлось чуть ли не главной причиной разорения деревни, и насчет того, что потребление алкоголя – показатель наличия в деревне «лишних денег», а значит, показатель относительного благополучия, не имеют под собой основания.

Более того, если вслед за М. А. Давыдовым и Б. Н. Мироновым рассматривать динамику потребления водки как косвенное отражения благосостояния населения, тогда следует признать, что после отмены крепостного права оно не возросло, а снижалось»².

Собственную позицию А. В. Островский обозначил, приписав оппонентам мысли, которые они не высказывали³. Ведь ни Б. Н. Миронов, ни автор статьи никогда не утверждали, что «пьянство являлось чуть ли не главной причиной разорения деревни». Да и сам оборот «разорение деревни» – из лексикона представителей традиционной, «негативистской»⁴ историографии (в том числе и А. В. Островского), которые эти и подобные термины «почему-то» всегда применяют к пореформенному крестьянству и никогда – в отношении крестьянства после 1917 г., пережившего (отчасти) гражданскую войну, военный коммунизм, голод 1920–1921 гг., коллективизацию с голодом 1932–1933 гг. и многое другое.

В работах этих историков (в том числе – и в цитируемой) «разоренный» после 1861 г. крестьянин выступает как своего рода идеальная личность, ставшая жертвой внешних обстоятельств жизни (малых наделов, огромных налогов и выкупных платежей и т. п.). Он как бы априори обладает максимальным трудолюбием, усердием, владеет всем богатством агрономических знаний и арсеналом соответствующих навыков и не имеет при этом вредных привычек,

мешающих его пуританскому быту и рационально организованному уравнилельно-передельной общиной производственному процессу. И только антинародная политика царизма и корыстолюбие помещиков не позволяют этому воплощению человеческого совершенства реализовать столь выдающийся потенциал.

Понятно, что значительное потребление алкоголя и все, что с ним сопряжено, не вписывается в эту схему. Поэтому последние примерно 150 лет сторонники подобных взглядов либо принижают значение этой проблемы, либо просто замалчивают ее.

Поясним свою точку зрения (Б. Н. Миронов, безусловно, и сам в состоянии ответить А. В. Островскому; впрочем, он это отчасти уже сделал⁵).

Акцентируя с 2003 г. внимание на масштабе и специфике затрат жителей страны на алкоголь, автор имел в виду показать, что расхожие представления сторонников «пессимистического» взгляда на пореформенную Россию уж слишком обедняют и упрощают жизнь ее населения после 1861 г.

Эта жизнь отнюдь не уместается в узком пространстве между тезисами о «малоземелье», «непосильных платежах» и огромных недомках, о «голодовках» и «голодном экспорте», «провале Столыпинской аграрной реформы» и т.п. (рассуждая обо всем этом, «пессимисты» подводят читателей к идее неизбежности социалистического переворота).

Эта жизнь была неизмеримо сложнее, и ее невозможно понять, в частности, без анализа государственной продовольственной помощи, динамики вкладов населения в государственные сберегательные кассы, развития кооперации, исследования транспортной и пассажирской статистики, объективного изучения аграрной реформы Столыпина, расходов населения на алкоголь и других феноменов, игнорируемых или замалчиваемых традиционной историографией. Не говоря о том, что постулаты последней не выдерживают серьезной проверки источниками.

Например, если во время «голода» жители наиболее пострадавших губерний тратят гигантские суммы на алкоголь⁶, если в тех же губерниях растет наличность в сберегательных кассах и

¹ Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX в. М., 2003.

² Островский А. В. «Пьяная деревня»: домыслы и факты // Новейшая история России. 2013. № 2 (7). С. 154.

³ Миронов Б. Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013. С.174–175.

⁴ Давыдов М. А. Статистика и политика // Вопросы истории. 2012. № 12. С. 122.

⁵ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 111–178.

⁶ А. В. Островский непостижимым образом решил, что, приводя эти данные, автор упрекает крестьян в подрыве обороноспособности страны (!!). Воистину, каждый все понимает в меру своей фантазии...

Сопоставление средней ценности хлебного экспорта и размеров питейного дохода в 1894–1913 гг. (тыс. руб.)

Годы	Экспорт хлебов	Вывоз семян и жмыхов	Сумма вывоза с семенами	Величина питейного дохода	Вывоз хлеба к питейному доходу (%)	Вывоз хлеба с семенами к питейному доходу (%)
1894	381387	42649	424036	297281	128,3	142,6
1895	335897	56456	392353	308896	108,7	127,0
1896	322455	61298	383753	321803	100,2	119,3
1897	353876	58122	411998	332483	106,4	123,9
1898	370911	42063	412974	391929	94,6	105,4
1894–1898	352905	52118	405023	330478	106,8	122,6
1899	260377	43509	303886	420947	61,9	72,2
1900	306404	53504	359908	434493	70,5	82,8
1901	345030	33417	378447	476007	72,5	79,5
1902	433002	36075	470077	523483	82,7	89,8
1903	480217	38093	518310	576461	83,3	89,9
1899–1903	365006	40920	406126	581533	62,8	69,8
1904	496679	34973	531652	573278	86,6	92,7
1905	568456	35515	603971	639135	88,9	94,5
1906	472222	46368	518590	736898	64,1	70,4
1907	430789	47966	478755	748258	57,6	64,0
1908	379849	59231	439080	748058	50,8	58,7
1904–1908	469599	44811	514410	689125	68,1	74,6
1909	749593	58691	808284	759045	98,8	106,5
1910	747705	67515	815220	811048	92,2	100,5
1911	739065	74308	813373	830796	89,0	97,9
1912	551509	81879	633388	873591	63,1	72,5
1913	593986	69690	663676	952810	62,3	69,7
1909–1913	676472	70417	746788	845458	80,0	88,3

Источники: Ежегодник Министерства финансов [на 1894–1913 гг.]. СПб, 1896–1914; Отчет Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1913 г. Пр., 1914. С. 14; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за... [1894–1913] год. СПб., 1896–1914, 1915.

т.д., то, может быть, стоит задуматься над тем, почему современные «пессимистические» оценки «голодовок» в царской России не совпадают с реальностью?

Ведь во время голода 1920–1921 гг., голода 1932–1933 гг., во время блокады Ленинграда у миллионов **действительно умиравших от голода** людей не было возможности выбирать между хлебом и спиртным.

А. В. Островский и его сторонники упорно предпочитают не замечать этих элементарнейших вопросов.

Как представляется, настало время показать несоответствие «пессимистических» штампов историческим реалиям.

Позицию автора выражает следующий тезис: неуклонно растущие затраты населения России на алкоголь действительно отражают – и

отнюдь не «косвенно» – растущий уровень благосостояния населения в конце XIX – начале XX в. Доля расходов крестьян на водку вовсе не была «относительно невелика», в силу чего и запрет продажи спиртного летом 1914 г. оказал весьма благоприятное влияние на благосостояние миллионов людей.

Обрисует свое видение проблемы.

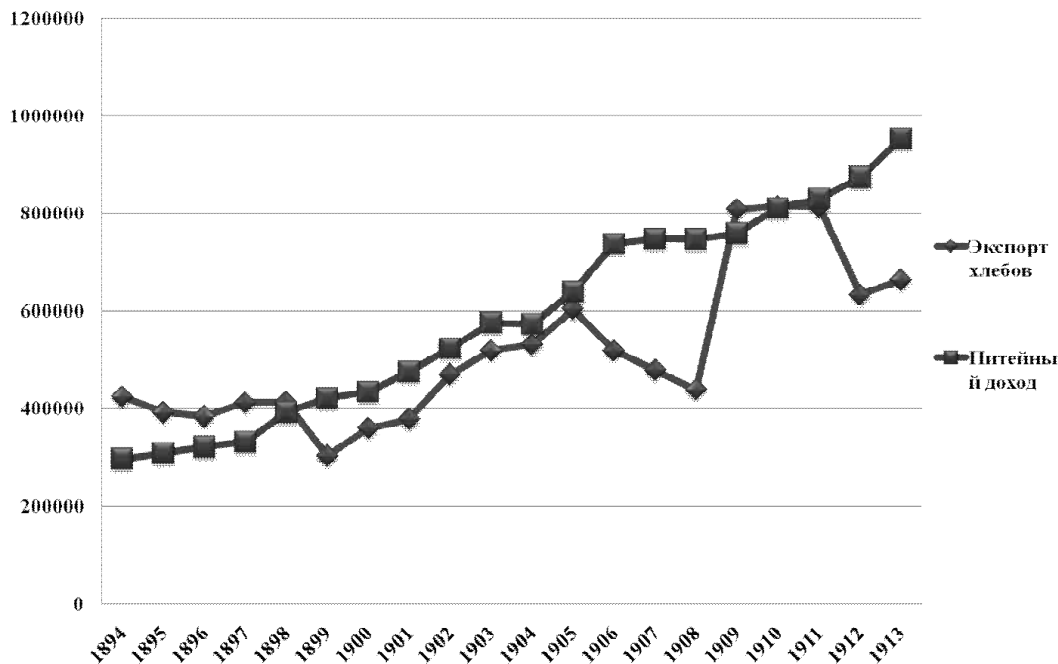
Для того, чтобы судить о масштабах обсуждаемого явления, достаточно взглянуть на одну таблицу и один график, где сравниваются размеры питейного дохода и стоимость российского хлебного экспорта, который и сейчас нередко именуется «голодным», за предвоенное 20-летие.

Данные таблицы 1 весьма интересны.

Традиционная историография более ста лет уверяет читателей, что из-за вывоза хлеба, который был главной статьей имперского экс-

Сопоставление стоимости экспорта всех хлебов и питейного дохода в 1894–1913 гг.

Экспорт всех хлебов и питейный доход (тыс. руб.)

Источники: см. табл. 1

порта, народ вынужден был голодать. Действительно, за предвоенное 20-летие 1894–1913 гг. Россия выручила от продажи всех хлебных грузов 10361,7 млн руб. – это три годовых бюджета России в 1913 г., огромные деньги!

Однако за те же 20 лет питейный доход казны составил 11756,7 млн руб. Т. е. голодающий, по мнению «пессимистов», народ выпил водки на сумму, на 13,5% превышающую стоимость вывезенного за счет его голодного желудка хлеба. Среднегодовая цена хлебного экспорта составила соответственно 518,1 млн руб., а питейного дохода – 588,3 млн руб.

При этом средний ежегодный прирост стоимости вывезенных хлебов равнялся 20,9 млн руб., а питейного дохода – 35,1 млн руб., т. е. был в 1,7 раза больше. Эта информация дополняет диаграмму 1, показывающую, что оба процесса развивались схожим образом – по нарастающей, однако потребление водки росло энергичнее.

До 1899 г. питейный доход составлял порядка 80–95% стоимости хлебного экспорта; после 1899 г. лишь в годы больших урожаев – 1909 и 1910 гг. – цена вывезенного хлеба слегка превысила цену выпитой водки. При этом не учитывался ввоз спиртного из-за границы. Если

«голодным экспортом» может именоваться положение, при котором цена выпитой населением водки составляет не 10 и не 20%, а свыше 80–90% стоимости хлебов, вывозимых вторым по значимости экспортером этого продукта в мире, а затем свыше 10 лет намного ее превосходит, тогда в толковых словарях русского языка что-то нужно исправлять.

Как можно видеть, в 1913 г. питейный доход достиг астрономической цифры в 952,8 млн руб., т. е. был лишь на 16 млн руб. (примерно 1,5%) меньше суммарного бюджета Военного и Морского министерств, а также Министерства народного просвещения, при том что бюджет страны в 1913 г. составлял порядка 3,4 млрд руб. Напомним, что «Большая флотская программа» стоила 430 млн руб.

В свете этих данных логика А. В. Островского не вполне понятна.

Если потребление алкоголя **не** является показателем наличия в деревне (и не только) «лишних денег», а значит, и показателем «относительного благополучия», то показателем чего оно является?

Отсутствия «лишних денег»? Алкоголь выдавали бесплатно?

Свидетельством неблагополучия?

Если в 1894–1900 гг. среднегодовой вывоз хлеба стоил 384,1 млн руб., питейный доход составлял 358,3 млн руб., в 1901–1908 гг. – соответственно 492,4 млн руб. и 627,7 млн руб., а в 1909–1913 гг. – 746,8 млн руб. и 845,5 млн руб., то значит ли это, что благосостояние жителей России понижалось? Особенно с учетом неоспоримого роста внутреннего потребительского рынка.⁷

В данной статье автор намерен рассмотреть «доказательства от противного», позволяющие, как он полагает, значительно минимизировать полемику.

Речь идет о первых результатах введения сухого закона в 1914 г., которые – по контрасту – позволяют яснее судить о потреблении алкоголя в мирное время.

Среди работ того времени, осмысляющих этот феномен, особо выделяется издание Министерства финансов «О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России» (Пг., 1916). По заданию Министерства казенные палаты через податных инспекторов и других должностных лиц должны были выяснить влияние войны на аспекты «народной жизни и быта, доступные наблюдению местных органов финансового ведомства».

Выяснению эффекта введения сухого закона в 1914 г. в этой работе посвящена отдельная глава (с. 378–482), которая начинается следующими словами: «По вопросу о влиянии прекращения продажи вина на народный быт и производительность народного труда казенными палатами собран громадный материал, заключающий в себе отзывы податных инспекторов, председателей земских управ, городских голов и старост, фабричных инспекторов и др. лиц и учреждений, а также цифровые данные, полученные от государственных сберегательных касс, казначейств, губернских присутствий, прокурорского надзора, съездов мировых судей и др. Все высказывавшиеся лица и все имеющиеся данные говорят за то, что влияние прекращения продажи вина на народный труд и производительность народного труда оказалось огромным и многосторонним.

Ни по одному вопросу программы казенные палаты не дают таких однообразных, совершенно определенных, не вызывающих никакого сомнения показаний, как о влиянии прекращения продажи спиртных напитков на население. Все мнения, высказанные людьми и учреждени-

ями, имеющими непосредственное отношение как к сельской, так и к городской жизни самых различных местностей, по донесениям казенных палат, так однообразны и решительны, что может возникнуть вопрос не о том, было ли влияние прекращения продажи спиртных напитков благоприятным, а лишь о степени благотворности этого влияния»⁸.

В тексте главы анализируется позитивное влияние сухого закона на самые разные стороны жизни населения страны; рассматриваются также и негативные последствия запрета продажи спиртного (рост потребления суррогатов, азартных игр и т.п.).

Сама постановка вопросов предполагала сопоставление ситуации военного и мирного времени, из которого выясняются весьма важные факты, позволяющие оценить изучаемые сюжеты весьма ясно; разумеется, в рамках статьи можно коснуться лишь некоторых из них.

Начнем со статистических данных о поступлении питейного дохода (см. таблицу 2).

Итак, в июле 1914 – марте 1915 г. на водку было потрачено на 625,3 млн руб. меньше, чем за соответствующий период предшествующего года. Реально население сэкономило еще больше, поскольку инфляция уже началась.

Теперь оценим динамику вкладов в государственные сберегательные кассы России.

Легко заметить, насколько разнится месячная динамика вкладов до войны и во время войны.

В частности, из таблицы 3 следует, что в первой половине 1914 г. приток средств был ниже, чем в первой половине 1913 г. – 18,8 млн руб. против 21,6 млн руб. Затем, в июле 1914 г., с объявлением мобилизации имел место отток вкладов в размере 41,1 млн руб., но с августа вновь начинается их возрастание. Только за август–сентябрь приток средств в сберегательные кассы составил 35,9 млн руб., т.е. 93% всего годового прироста вкладов за 1913 г. (38,6 млн руб.), а в сентябре–октябре превысил его на 23,1% (47,5 млн руб.). Аналогичный характер имеет динамика вкладов в процентных бумагах.

Теперь сравним по месяцам сокращение расходов на водку и приросты вкладов в государственные сберегательные кассы в первые 9 месяцев войны.

⁷ Давыдов М. А. Статистика и политика. С. 122–140.

⁸ О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. С.378–379.

Таблица 2

Расходы населения империи на водку за июль 1913 – март 1914 г. в сравнении с июлем 1914 – мартом 1915 г. (млн руб.)

МЕСЯЦЫ	07.1913 – 03.1914		07.1914 – 03.1915		За июль 1914 – март 1915 г. более (+) или менее (-) июля 1913 –марта 1914 г. ПРОДАНО		
	1*	2**	1	2	1	2	В %%
июль	7,59	64,26	4,66	39,54	-2,93	-24,72	-38,5
август	8,25	69,85	0,29	2,46	-7,96	-67,38	-96,5
сентябрь	9,77	82,73	0,11	0,89	-9,66	-81,84	-99,0
октябрь	10,37	87,8	0,09	0,76	-10,28	-87,04	-99,0
ноябрь	9,03	76,44	0,09	0,78	-8,94	-75,66	-98,9
декабрь	10,19	86,23	0,16	1,35	-10,02	-84,88	-98,4
январь	9,8	83,12	0,11	0,95	-9,69	-82,17	-98,9
февраль	8,63	73,18	0,12	1,06	-8,5	-72,12	-98,5
март	6,04	51,21	0,2	1,7	-5,84	-49,51	-96,7
За 9 месяцев	79,68	674,8	5,83	49,5	-73,84	-625,32	-92,6

Источник: О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России / Мин-во финансов. Департамент окладных сборов. Пг., 1916. С.421.

* 1 – Продано казенных питей (млн ведер в 40°).

** 2 – На сумму (млн руб.).

Таблица 3

Динамика денежных вкладов и вкладов в процентных бумагах в государственные сберегательные кассы (млн руб.) в 1912–1916 гг.

Месяц	ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ					ВКЛАДЫ В ПРОЦЕНТНЫХ БУМАГАХ				
	1912	1913	1914	1915	1916	1912	1913	1914	1915	1916
январь	2,5	8,3	1,9	55,9	117,3	4,5	4,4	6,8	11,2	53,2
февраль	2,6	-1,4	-0,8	44,5	102,4	3,5	3,1	4,0	11,2	25,2
март	4,6	-0,2	-2,3	46,0	81,6	2,5	3,4	3,1	15,9	83,1
апрель	-2,5	0,6	-0,2	47,8	53,9	1,9	1,9	1,7	14,9	93,3
май	2,6	5,9	7,9	50,8	65,7	1,4	1,5	1,7	15,7	100,9
июнь	9,8	8,4	12,3	55,0	171,1	1,4	2,4	2,9	18,0	37,2
июль	9,5	9,3	-41,1	57,2	154,8	1,5	2,1	-0,6	11,5	22,9
август	0,6	-0,7	10,1	8,4	141,6	-0,7	1,6	0,8	8,5	19,3
сентябрь	0,1	1,1	25,8	57,9	121,2	0,2	2,3	3,7	11,5	20,4
октябрь	2,0	1,5	21,7	77,5	139,6	-0,1	2,2	4,5	9,1	14,6
ноябрь	6,2	5,1	24,8	42,2	96,0	0,7	2,0	14,0	27,4	н/с
декабрь	5,1	0,7	35,6	3,0	н/с	1,8	3,4	9,8	108,5	н/с
ИТОГО	43,1	38,6	95,7	546,2	1245,2	18	30,3	52,4	263,4	470,1

Источник: РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1003. Л.330.

Из таблицы 4 следует, что за август 1914 – март 1915 г. казна недополучила питейного дохода на 600,6 млн руб. в сравнении с августом 1913 – мартом 1914 г. Приток средств в сберегательные кассы за эти же месяцы составил 264,4 млн руб., что на 10% превысило суммарный прирост вкладов в сберегательные кассы империи за все пятилетие 1909–1913 гг. (!) – 240,8 млн руб. Схожим образом, и прирост вкладов в процентных бумагах за август 1914 – март

1915 г. (71,1 млн руб.) оказался почти равен суммарному приросту вкладов процентными бумагами за 1909–1913 гг. (73,7 млн руб.)⁹

На увеличение вкладов, безусловно, должны были повлиять и правительственные пособия семьям призванных в армию. Однако за 1914 г. их величина составила 267 млн руб., и сотням тысяч солдатских семей, «перешедших на казенное

⁹ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 804. Л.467.

Диаграмма 2

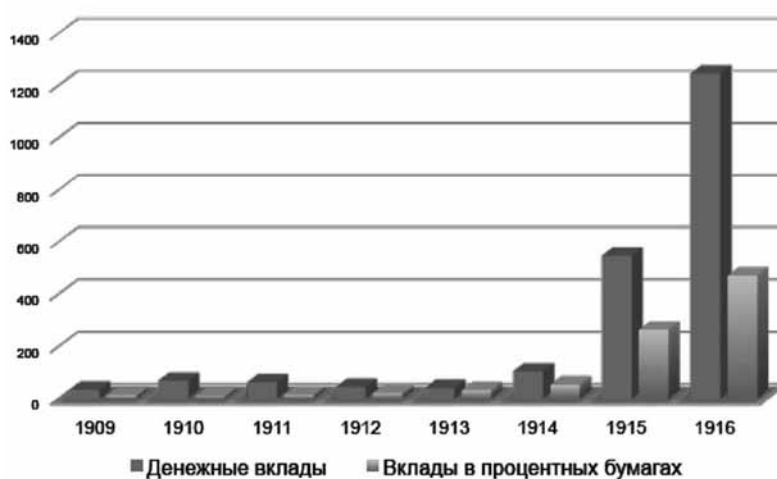
Ежемесячные сведения о приросте и убыли вкладов в государственных сберегательных кассах за 1913–1915 гг.

Источник: РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1003. Л.330.

Диаграмма 3

Динамика вкладов в государственные сберегательные кассы в 1909–1915 гг. (млн руб.)

Источник: РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 804. Л. 467; Там же. Д. 1103. Л.330.

содержание»¹⁰, они были нужны по прямому назначению. Прямая же экономия от непокупки водки, как минимум, равнялась 421,5 млн руб., так что приоритет тут, конечно, на стороне трезвости.

О чем говорят эти данные?

В первую очередь – они ясно демонстрируют роль расходов на алкоголь в бюджете населения довоенной России. Не все жители страны,

разумеется, несли деньги в сберегательные кассы, поскольку далеко не все из них имели книжки, но тенденция, полагаю, вполне четкая. Тесная связь между потреблением алкоголя и благосостоянием населения настолько очевидна, что ее можно не комментировать.

Динамика роста сбережений в конце XIX – начале XX в., безусловно, впечатляет¹¹, но лишь

¹⁰ Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 153.

¹¹ Давыдов М. А. Статистика и политика. С.129–130.

данные военного времени показывают, каким мог быть рост при меньшем потреблении спиртного и какое место занимал алкоголь в структуре расходов населения.

Таблица 4

Сопоставление сокращения расходов на водку в июле 1914 – марте 1915 г. в сравнении с июлем 1913 – мартом 1914 г., денежных вкладов в государственные сберегательные кассы и вкладов в процентных бумагах (млн руб.)

Месяц	1*	2**	3***
июль	-24,72	-41,1	-0,6
август	-67,38	10,1	0,8
сентябрь	-81,84	25,8	3,7
октябрь	-87,04	21,7	4,5
ноябрь	-75,66	24,8	14,0
декабрь	-84,88	35,6	9,8
январь	-82,17	55,9	11,2
февраль	-72,12	44,5	11,2
март	-49,51	46,0	15,9
Всего август–март	-600,6	264,4	71,1

Источники: О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. С.421; РГИА. Ф. 408. Оп.1. Д. 1003. Л.330.

* 1 – Сокращение продажи казенных напитков в июле 1914 – марте 1915 г. в сравнении с июлем 1913 – мартом 1914 г.

** 2 – Прирост денежных вкладов в государственные сберегательные кассы

*** 3 – Прирост вкладов в процентных бумагах.

Авторы рассматриваемой публикации справедливо полагают, что «громadные средства, оставшиеся у населения благодаря запрещению продажи вина, не только помогли ему снарядить на войну призванных запасных, ратников и новобранцев и справиться с тем ущербом, который был причинен ему громадным отливом рабочей силы, справиться с дороговизной предметов первой необходимости, с повышенными налогами, улучшить питание, но и сберечь значительные денежные средства для помещения их в государственные сберегательные кассы и учреждения мелкого кредита»¹².

Интересно оценить данную проблему на губернском уровне.

Так, Пермская казенная палата подсчитала, что за 17 лет существования винной монополии жители губернии пропили 271 млн руб. Ясно, что запрещенная продажа вина должно было сохранить у населения огромные средства. За пер-

вые 9 месяцев войны выручка от продажи вина в сравнении с соответствующим периодом 1913–1914 г. упала на 15,7 млн руб., т.е. на стоимость броненосца класса «Бородино». Эти громадные деньги, оставшиеся у населения, пошли «на производительное удовлетворение разнообразных насущных нужд, но и за всем тем» прирост вкладов в сберегательные кассы губернии составил за тот же период 3,0 млн руб., или 367,5%¹³ (см. таблицу 5).

В Пензенской губернии недобор от казенной продажи напитков за июль 1914 – апрель 1915 г. составил 10 млн руб.; «какая сумма народных денег уходила на так называемое “баловство пивом”, точных данных не имеется, так как, кроме пива местных заводов, население Пензенской губернии потребляло огромное количество пива заводов Московской, Самарской и Нижегородской губерний, но во всяком случае издержки населения губернии на пиво должны быть не менее 2 млн руб. в год, что подтверждается оборотами пивных складов и лавок, установленными для взимания дополнительного промыслового налога. Таким образом, за время войны, благодаря воспрещению продажи напитков, осталось у населения губернии сбережений только в деньгах 12 млн руб., что в среднем составляет 5,87 руб. на душу населения.

Но приведенной суммой (12 млн руб.) далеко не исчерпываются исчисления экономического благополучия населения вследствие воспрещения продажи напитков. В первую очередь следует учесть стоимость прогульных дней и дней «похмелья», которые неизбежно следовали за праздниками и днями семейных торжеств. Не боясь впасть в грубую ошибку, можно с уверенностью оценить прогульные дни суммой, близкой к той, какую пропивало население.

Благодаря этим огромным сбережениям народных средств, несмотря на два подряд неурожайных года, на призыв наиболее работоспособной части населения в армию, на возрастающую дороговизну продуктов питания и фабричного производства, экономическая жизнь в губернии не только протекает вполне нормально, но у населения остаются еще большие свободные средства, о чем свидетельствует непрерывающийся прилив вкладов в сберегательные при казначействе кассы. Так, за вторую половину прошлого года превышение поступлений над выдачами определялось в 700 тыс. руб., а в текущем году

¹² О влиянии войны... С. 420.

¹³ Там же. С. 422–423.

Движение вкладов в государственных сберегательных кассах
Пермской губернии в 1913–1915 гг. (тыс. руб.)

Месяц	Поступило вкладов	Выдано вкладов	Плюс/минус	Месяц	Поступило вкладов	Выдано вкладов	Плюс/минус
1913 год				1914 год			
август	1068,1	1028,4	39,7	август	1380,3	1111,3	269
сентябрь	1089,5	1124,9	-35,3	сентябрь	1437,5	1226,9	210,6
октябрь	1049,5	1125	-75,5	октябрь	1457,3	1304,0	153,3
ноябрь	1064,6	1088,1	-23,5	ноябрь	1445,6	1320,5	125,1
декабрь	1251,6	978,9	272,7	декабрь	1582,4	1218,2	364,2
1914 год				1915 год			
январь	1369,7	1536,5	-166,8	январь	2154,6	1714	440,6
февраль	1342,9	1106,7	236,2	февраль	1982,5	1435,6	546,9
март	1477,1	1212,6	264,5	март	2154,1	1289	865,1
апрель	1162,9	849	313,8	апрель	2241,1	1355,3	885,8
ИТОГО	10875,9	10050,1	825,8	ИТОГО	15835,4	11974,8	3860,6

Источник: О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. С.422–423.

прилив вкладов продолжается еще с большей интенсивностью»¹⁴.

Казанская казенная палата определяет расход населения «только на одно казенное вино» в 1913 г. в 11,5 млн руб., а на одну семью в среднем за год – более 20 руб. Однако, «если присоединить к этому еще издержки на пиво, красное вино и проч., которые также сделались любимыми напитками крестьян и ремесленников и потребление которых требует при этом затраты средств более в 2–3 раза, чем простое вино, так как для того, чтобы добиться такой же степени опьянения, какая получается от приема водки, необходимо поглотить значительно большее количество напитков менее крепких, то получится приблизительно именно тот средний годовой расход семьи на спиртные напитки, который председатель Цивильской уездной земской управы, очень близко знакомый с крестьянским бытом, определяет суммой в 50 руб.

К такому же выводу следует прийти и на основании целой серии сообщений из деревни на запрос губернского земства о влиянии прекращения торговли вином. В этих ответах определяются издержки на покупку крепких напитков одной семьи в зависимости от ее материальной состоятельности, в 7–10–20–75–100–150 и даже 360 руб.

Один корреспондент пишет, что расход крестьян на вино составляет 30% всего бюджета, другой, что бедняки обыкновенно пропивали весь свой заработок. В таком духе по-

ступает масса сообщений из различных мест губернии.

Почти каждая семья крестьянина и рабочего считала как бы священной обязанностью заставить одной, двумя и более четвертями вина к годовым праздникам, к семейным торжествам, теперь же вместо этого приобретает крупчатку, чай, сахар, разные лакомства, предметы одежды и проч. И за всем этим у населения остаются еще свободные средства, которые оно вносит в сберегательные кассы и другие кредитные учреждения.

Портфель сберегательных касс при казначействе губернии очень красочно рисует постепенное нарастание народного богатства»¹⁵.

Если вторая половина 1913 г., при вполне благоприятной экономической конъюнктуре, вследствие удовлетворительного урожая хлебов в губернии дала сбережений 1,7 млн руб., то вторая половина 1914 г. дала приток вкладов 2,2 млн руб., т.е. на 517 тыс. руб. или на 30% больше (в среднем за месяц до 370 тыс. руб. против 285 тыс. руб.), «несмотря на неудовлетворительный, а местами (почти в 1/3 части губернии) совсем плохой урожай хлебов, и массовый призыв людей рабочего возраста в ряды армии, который неминуемо должен был вызвать у населения усиленный расход». В итоге всех операций сберегательных касс губернии за указанные 9 месяцев 1913–1914 гг. налицо был отток средств в сумме 195 тыс. руб., а за 1914–1915 гг., наоборот, огромный их приток в 943 тыс. руб.¹⁶

¹⁵ Там же. С. 424–425.

¹⁶ Там же. С. 425.

¹⁴ Там же. С. 423–424.

Томская казенная палата предлагает судить, «как велики народные сбережения хотя бы только за минувший 1914 год», по тому, что недобор по казенной продаже пива составил в сравнении с 1913 г. почти 10 млн руб., вклады в сберегательные кассы увеличились на 1497,7 тыс. руб., а «вся остальная сумма находилась на руках у населения, коим и была употреблена на улучшение хозяйств путем обновления живого и мертвого инвентаря, возведением и ремонтом хозяйственных и жилых строений, и на приобретение ношебного (так в источнике. – М.Д.) платья и обуви»¹⁷.

Аналогичные сообщения поступили от Рязанской, Ярославской, Тульской, Тобольской, Калужской, Воронежской и целого ряда других казенных палат.

Председатель Арзамасской уездной земской управы пишет, что «с прекращением продажи вина за 10 месяцев войны у населения уезда осталось до 900 тыс. руб., тратившихся ранее на вино, что, во всяком случае, превышает размер возможного заработка всех лиц, ушедших в ряды войск, за целый год их отсутствия»¹⁸.

Параллельно росту вкладов в государственные сберегательные кассы местные органы разных губерний фиксируют серьезный рост взносов в учреждения мелкого кредита и уменьшение задолженности в кредитных товариществах.

Курская, Нижегородская, Пермская, Донская, Тамбовская, Московская казенные палаты отмечают, что кредитные товарищества стали меньше занимать у Госбанка и энергичнее погашать свои долги.

По сведениям Симбирской казенной палаты, «население, отказывавшее себе во многом необходимом и пропивавшее значительную долю своего заработка, теперь не только не отказывает себе в покупке предметов первой необходимости, но имеет еще возможности откладывать сбережения в сберегательные кассы и в кассы мелкого кредита»¹⁹.

«К благоприятному влиянию прекращения продажи крепких напитков и вина в экономическом отношении, – отмечает Херсонская казенная палата, – нужно отнести также **небывалое, ныне наблюдаемое явление** (выделено мною. – М. Д.) – досрочные погашения сельскими обществами ссуд по земской кассе мелкого кредита»²⁰.

В учреждениях мелкого кредита Московской губернии сумма вкладов за 9 месяцев войны увеличилась на 550178 руб. 25 коп. или почти на 25%²¹.

Ломбарды сообщают, что с момента прекращения продажи спиртных напитков количество выдаваемых ссуд начало сокращаться, а число погашаемых – расти. При этом Казанское отделение Петроградского столичного ломбарда отмечает, что средств стало больше преимущественно у крестьян и ремесленников, поскольку залоги крестьян совершенно исчезли, а ремесленников – значительно уменьшились; «залог же всех других классов населения приостановился в росте, но, с другой стороны, не идут и на убыль по причине сильного вздорожания предметов первой необходимости»²².

Статистика Московского городского ломбарда также говорит о стабильной тенденции к уменьшению числа ссуд в эти месяцы, т.е. и о росте благосостояния населения за счет сокращения потребления спиртных напитков.

Таблица 6

Увеличение (+) и уменьшение (–) в 1914–1915 гг. выданных Московским городским ломбардом ссуд в сравнении с 1913–1914 гг. (в процентах)

Месяц	Число залогов	Сумма
июль	5,5	7,5
август	-15,6	-25,1
сентябрь	-7,2	-12,1
октябрь	-6,4	-5,5
ноябрь	-27,4	-18,8
декабрь	-32,2	-18,8
январь	-39,9	-29,8
февраль	-31,2	-20,5
март	-39,5	-38,8

Источник: О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. С. 431–432.

Итак, погубернские данные подтверждают тенденции, выявленные на основании общеимперских данных.

Казенные палаты и податные инспекторы «единогласно» считали, что «неумеренное употребление вина было причиной народной бедности и обнищания», и что «прекращение продажи вина уничтожило в народном быту этот главный корень бедности»²³.

¹⁷ Там же. С. 426.

¹⁸ Там же. С. 428.

¹⁹ Там же. С. 430.

²⁰ Там же. С. 430.

²¹ Там же. С. 431.

²² Там же.

²³ Там же. С. 403.

А. В. Островский рассматривает проблему расходов на спиртное узко – только как статью расходов, примерно такую же, как затраты на одежду и т. п. Однако не секрет, что потери, связанные с пьянством, отнюдь не ограничиваются суммой, прямо истраченной на спиртное. Потребление алкоголя неизбежно сопровождается тем, что можно назвать эффектом «спутной струи», и эти негативные последствия не всегда можно измерить количественно.

Д. Н. Воронов справедливо пишет: «Но, помимо прямых денежных затрат на покупку спиртного, крестьянское хозяйство испытывало громадный чисто материальный ущерб, приносимый пьянством в виде потери рабочего времени, понижения трудоспособности, порчи и утраты предметов хозяйства, невыгодных сделок по приобретению и продаже имущества, частых пожаров, возникающих нередко на почве пьянства, и проч. и проч. Запрещение питейной торговли должно положить конец и всем этим причинам расстройств хозяйственного быта»²⁴.

Один из податных инспекторов Петроградской губернии отмечает, что «во многих семьях, в коих прежде была страшная нищета, ныне началась безбедная жизнь, ибо хозяин весь свой заработок несет домой, а не пропивает. Во многих семьях раньше и хозяин, и его жена, и его дети имели жалкий вид, ходили оборванцами, а дети сплошь и рядом посылались собирать хлеб по миру. Ныне в этих семьях и хлеб есть, и все члены семьи ходят обутые и одетые. Раньше в деревне было сильно развито нищенство. Ныне в деревне нищих не видно»²⁵.

О радикальном и повсеместном – от Петрограда и Москвы до Благовещенска – сокращении нищенства и бродяжничества сообщает множество казенных палат и податных инспекторов, причем в ряде случаев фиксируется даже закрытие ночлежек – за ненадобностью.

«Теперь не видно около казенки и чайных... бывших постоянных обитателей соседних переулков, – пишет председатель Дмитровской казенной палаты, – отсутствуют совершенно картины быта этого подзаборного люда, совершенно исчезли просители: “дайте копеечку – не хватает”. Теперь ... совершенно без оглядок и не затыкая уши, можно проходить под вечер мимо казенки и чайных. Все это резко бросается в глаза постоянного наблюдателя провинциальной жизни»²⁶.

²⁴ Воронов Д. Н. Жизнь деревни в дни трезвости (по данным земских и других анкет). Пг., 1916. С.14.

²⁵ О влиянии войны... С. 403–404.

²⁶ Там же. С. 404.

По отзыву Казанской казенной палаты, «нищенство и босячество, которыми изобиловали наиболее крупные города губернии, особенно в навигационное время, заметно исчезает. Нищенством занимаются теперь только люди преклонного возраста, калеки, лишенные возможности приобрести кусок хлеба личным трудом. В рядах нищих уже не встречаются дети-подростки и лица, совершенно здоровые физически, как прежде, когда легко добывавшаяся копейка немедленно пропивалась»²⁷.

Из Владимирской губернии сообщали: «Нет пьяных отбросов и наглого попрошайничества, не видно босяков и зимогоров (лиц без определенного места жительства. – М. Д.)»²⁸.

Сохранение народных средств, ранее «в огромном количестве» тратившихся на алкоголь, заметно увеличило народное благосостояние.

Так, из 1049 человек, почти исключительно крестьян, анкетированных Статистическим отделением Владимирской губернской земской управы, 1036 отметили, что «благодаря трезвости» экономическое благосостояние населения выросло, и лишь 13 человек, т.е. чуть более 1 %, такого улучшения не заметили.

Казенные палаты солидарно фиксируют улучшение хозяйства и рациона питания, обновление сельскохозяйственного и домашнего инвентаря, одежды, обуви. Увеличилось потребление чая, сахара, дешевых лакомств, крупчатки, мяса, в особенности солонины, рыбы и яиц. Податные инспекторы различных губерний дружно говорят об улучшении построек, приобретении живого и мертвого инвентаря, о сокращении займов под работы и заклады, о сокращении нищенства и прекращении «всяких общественных «помочей» за выпивку»²⁹.

Особо отмечается рост бытового комфорта и крестьян, и рабочих самых разных регионов.

Так, «с самого начала трезвости», по отзыву Пермской казенной палаты, «в народе наблюдается стремление обставить жизнь лучше, удобнее и даже комфортабельнее; это стремление проявляется в увеличившемся против прежнего сбыте предметов семейного обихода, в широком спросе даже для деревни более или менее дорогих товаров, готового платья, мануфактуры и галантерейных товаров, лакомств и проч. Сами торговцы объясняют запрещением продажи водки тот факт,

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 406.

²⁹ Там же. С. 406–408.

что население покупает вздорожавшие товары». Курская казенная палата пишет, что «всюду» наблюдается «поднятие зажиточности, улучшение одежды и питания. Раньше крестьянин ради водки тащил в шинок последний пуд муки, а теперь каждая копейка идет на необходимые предметы его обихода. Сейчас обычная для деревни картина – встретить крестьян, покупающих сравнительно дорогие материи и газеты». По наблюдению Херсонской городской управы, «появился спрос среди рабочего населения на некоторые колониальные и мануфактурные товары, число безработных, ютившихся в ночлежных домах, уменьшилось наполовину и наблюдается выкуп заложенных рабочими в ломбардах вещей»³⁰.

Податные инспекторы Петроградской губернии солидарно говорят о том, что «в народной жизни произошел резкий перелом: особенно стало заметным стремление к лучшей обстановке в обыденной жизни. При посещении квартир при обследовании вопроса о бедности, уже не наблюдалось в последнее время этой ужасающей обстановки, которая замечалась в прежние годы. Наоборот, заметна была опрятность, чистота, стремление к доступному комфорту в виде украшения столов и комодов бумажными цветами, стен картинами военных событий и портретами военачальников. Даже в самом употреблении пищи наблюдался достаток: то, что прежде считалось роскошью, теперь стало обыденным явлением, как, например, домашнее чаепитие с вареньем, с дешевой пастилой и т. п. сластями».

По общему отзыву семейных людей, прекращение продажи вина дало им достаток настолько хороший, что они разделились с долгами, получили возможность лучше одеваться и быть сытыми, ибо все деньги, шедшие на вино, теперь идут на улучшение пищи, одежды и других потребностей. Это подтверждается, по наблюдению податных инспекторов, заметно усиленным спросом на мясо, на одежду и обувь, с одной стороны, и значительным сокращением залоговых операций в ломбардах, с другой стороны»³¹.

По сообщению старшего фабричного инспектора Донской области, «в жилищах рабочих появились предметы домашнего обихода, какие прежде можно было встретить исключительно у наиболее трезвых и обеспеченных рабочих, главным образом, у мастеров»³².

Об этом же свидетельствует целый ряд отзывов казенных палат (Калужской, Тамбовской, Черниговской, Псковской). Особенно заметно запрещение продажи вина отразилось на благосостоянии семей лиц, подверженных алкоголизму, которые «перестали протягивать руку, дежуря около винных лавок и попрошайничая на похмелье»³³.

Смоленская казенная палата считает, что «только благодаря прекращению продажи спиртных напитков» население сохранило устойчивое «экономическое положение», несмотря на неизбежные трудности военного времени, и «вполне сознательно» воспринимает последние. «Типичный шахтер, – пишет податной инспектор Черкасского округа Донской области, – всегда был пьян, наг и дик. Получив недельный расчет в субботу, он вечер того дня, воскресенье и понедельник просиживал в кабаках и разного рода вертепах, на работу являлся во вторник и спускался в шахту после того, когда подрядчик подносил ему для опохмелья стакан водки. В настоящее время шахтер одет, обут, несет заработок в сберегательную кассу и трудится производительно с понедельника до воскресенья»³⁴.

То, что современники именовали «отрезвлением населения», сопровождалось заметным повышением интереса крестьян к своему хозяйству и различным сельскохозяйственным улучшениям.

«До запрещения продажи вина, по сообщению одного из податных инспекторов Петроградской губернии, население на вино тратило почти все свои заработанные деньги. На свое житье-бытье, на свою семью и домоводство, на свое хозяйство под влиянием пьянства крестьянин не обращал почти никакого внимания. В доме семья сидит без хлеба, постройки валяются, на дворе нет ни лошади, ни коровы, а хозяин весь заработок пропивает – это было обычным явлением прежней жизни народа. С прекращением продажи вина картина резко изменилась к лучшему»³⁵.

Во многих губерниях отмечается пополнение хозяйств живым и мертвым инвентарем. Крестьяне приобретают «очень много разных сельскохозяйственных предметов», сельскохозяйственных орудий и машин, удобрений, семян трав, улучшают постройки, с легкостью платят старые долги и «чаще навещают сберегательные кассы с целью взноса своих сбережений». Обороты множества

³⁰ Там же. С. 408.

³¹ Там же. С. 408–409.

³² Там же. С. 409.

³³ Там же. С. 409–410.

³⁴ Там же. С. 411.

³⁵ Там же. С. 412–413.

сельскохозяйственных складов выросли, причем некоторые «склады не могли удовлетворить все предъявлявшиеся требования на машины», в то время как «в предыдущие годы эти же склады едва сбывали половину своих запасов»³⁶.

«Крестьяне перестали тащить из дома, а смотреть как бы приобрести что в хозяйство, отчего улучшалась торговля сельскохозяйственных земских складов в два раза», – сообщает Новгородская казенная палата. Повсеместно фиксируется рост числа сельскохозяйственных артелей и потребительских обществ и лавок, ссудо-сберегательных касс и кредитных товариществ и т.д.³⁷

Итак, трудно сомневаться в благотворном влиянии «сухого закона» на благосостояние весьма значительной (по крайней мере!) части населения страны. Равным образом очевидна и несостоятельность попыток А. В. Островского представить потребление алкоголя в мирное время не слишком значительным сегментом повседневной жизни жителей России.

Упрекая автора в том, что он поддался «гипнозу» Б. Н. Миронова и принял на веру его тезис о значительном числе праздников, Островский вновь не вполне точен: еще в 2003 г. были приведены свидетельства не одного, а двух современников, министра земледелия А. С. Ермолова и крестьянина Байкова, говоривших о негативном влиянии обилия праздников на состояние крестьянского хозяйства.

Добавим и другие сходные мнения. Тот же А. С. Ермолов в «Сельскохозяйственных этюдах» (1892) цитирует примечания известного агрария первой половины XIX в. Н. П. Муравьева к книге Теэра «Основания рационального сельского хозяйства», вышедшей в России в 1830 г. Ермолов обращается к Муравьеву для того, чтобы показать, что проблемы низкого качества крестьянского труда, вообще отношения крестьян к сельскохозяйственному производству и т. д. так и не были решены за эти десятилетия. В частности, Ермолов замечает: «Вот, например, что говорит Муравьев о русском крестьянине и работнике: “Крестьяне не умеют ни пахать, ни сеять, ни косить хорошо”. “У нас в работники (вольнонаемные) идет тот, который дома за леностью и бедностью прокормиться не может; следовательно, с таковым же расположением он поступает к новому хозяину, и к хорошей работе его принудить никак нельзя – я сие сам испытал... Работники

беспрерывно жалуются на недостаток пищи и ничем их удовлетворить нельзя, разве удвоением содержания, что очень убыточно. Притом заведется воровство в хлебе и провизии, лошадей бьют и мучают, орудия ломают, во всем ужасная небрежность, короче, выведут из терпения хозяйина и хлеб останется неубранным в поле”.

Правда, что приведенные слова Муравьева относятся до вольнонаемных рабочих: но и о работе крепостных крестьян он не лучшего мнения; так, он говорит далее, что “ни в каком хозяйстве не нужно столько смотрителей, как в нашем: земля дурно обрабатывается, сеют неровно и бывают утайки в семенах, сено косят и убирают медленно, молотят худо и не без ущерба помещику, и вообще происходит напрасная трата времени во многих хозяйствах”³⁸.

А. С. Ермолов в 1892 г. замечает: «Читая эти строки, трудно себе представить, что они писаны шестьдесят лет тому назад, до такой степени они напоминают то, что нам приходится и теперь читать и слышать чуть не каждый день.

Не новы и жалобы на праздники и прогульные дни. Сравнивая число рабочих дней у нас и в Пруссии, Муравьев говорит: “Итак, всего у нас рабочих дней весной, летом и осенью 141, то есть, почти вполнину противу числа дней рабочих в Пруссии, и праздников часть. Сверх всего, в числе сих праздников есть храмовые, которыми целые волости празднуют по неделе. Ежели и сии прогулы сосчитать, то верно половина рабочего времени проходит в праздниках”³⁹.

Как можно видеть, сведения Н. П. Муравьева отнюдь не противоречат подсчетам Б. Н. Миронова. К тому же множество источников говорит о том, что весьма часто послепраздничные дни могут считаться рабочими лишь номинально.

На сельскохозяйственном съезде в 1892 г. Ермолов и сам высказался по этому поводу: «В тесной связи с вопросом о рабочих находился и другой вопрос, также остановивший на себе внимание съезда, – о неблагоприятном влиянии на хозяйственную продуктивность большого числа обычных народных праздников. Обилие праздников или, вернее, нерабочих дней, из которых многие церковью вовсе праздниками не считаются, действительно составляет большое место нашего сельского хозяйства, тем более, что некоторые из таких нерабочих прогульных дней приходятся на самое горячее рабочее вре-

³⁶ Там же. С. 413–416.

³⁷ Там же. С. 416–417.

³⁸ Ермолов А. С. Сельскохозяйственные этюды. Киев, 1892. С. 3–4, 14–15.

³⁹ Там же. С. 15.

мя, например, весной, в самую пору посева, осенью, в разгар уборки, и т. п. **Такого огромного количества нерабочих дней, как в России, нет ни в одном государстве.** (выделено мною. – М. Д.) Особенно велико число таких дней в юго-западном крае, где крестьяне празднуют в зависимости от местных обычаев от 125 до 150 дней в году, т. е. более трети года. Известно, что празднование у крестьян большею частью выражается в пьянстве, поэтому и на другой день после праздника они едва способны к работе.

Не работают крестьяне в эти обычные праздники иногда отнюдь не по собственному желанию, а вследствие запрещения со стороны чересчур ретивых сельских властей; иногда это делается по увещаниям священников, которые, стремясь поднять в народе религиозный дух и возможно чаще привлекать его в церковь, нередко после обедни в воскресенье обращаются к народу в церкви, указывая праздничные дни на текущую неделю. К сожалению, они при этом упускают из виду, что проведение времени в праздности никого до добра не доводит и вовсе не способствует святости праздника... Таким образом, крестьяне празднуют и день Св. Онуфрия, и Св. Варфоломея, и Св. Саввы, и зачатия Св. Анны, и разные Пятницы, и вообще множество таких дней, которые в календаре вовсе не отмечены как праздники, а между тем горячее время полевых работ уходит»⁴⁰.

А вот что пишет об этом крестьянский писатель-самородок С. Т. Семенов: «Итак, если разумнее и усерднее взяться за хозяйство, то прибыль его можно намного увеличить. Даже в обыкновенных-то работах, если толковее поступать, и то лучше будет. Если навоз раньше запахать, то он лучше перегорит к севу; если траву раньше скосить, то сено из нее будет вкуснее и съедобнее; если лен раньше выберешь, то его придется и раньше постелить, а от этого он и скорее и лучше вылежится и качество волокна будет добротнее.

Разумное поведение полезно не только в общественных делах, но и в общественных (sic) и семейных. Но у нашего брата и тут чувствуется недостаток.

Во многих обществах, по обычаю, среди лета справляются престольные праздники: Петра и Павла, Сергиев день, Казанская, Тихвинская, Ильин день, Владимирская и прочее, в которые целые общества гуляют 3–4 дня, а иногда и целую неделю. Гуляешь, а тебя дожидается или поспевшая трава или рожь. Прогуляешь, при-

мешься за дело, ненастье началось – и погубило добро, которым целый год живешь... и кусай локти, да затылок чеши.

Кроме обычая гулять в праздники, есть еще обычай почитать пятницы и маленькие праздники, которых, как на грех, в летнее время такая пропасть.

Что такое пятница?

Христианский ли этот праздник? Спросите сведущего человека, и он скажет, что нет. Пятница – праздник не христианский, а татарский. Татары этот день почитают, как мы воскресенье. Перешел же к нам этот праздник с тех пор, когда они (татары) Русью владели; с тех пор он у нас и остался. Так зачем же нам почитать его? Если почитать татарскую пятницу, то почитать и еврейскую субботу, а потом православное воскресенье. В эти дни погуляем, а в понедельник и за работу приниматься нечего, так как по приметам день тяжелый; и выйдет, что работать-то и некогда, а только гуляй. «Погули да гули, ан в лапти обули»...

Вот какие нужды и недостатки имеются в крестьянском обществе, и вот как их исправлять нужно»⁴¹.

Напомню оценку Ермоловым предыстории неурожая 1906 г.: «Посев яровых начался значительно ранее обыкновенного и прошел при сравнительно благоприятных условиях: благодаря значительному запасу влаги в почве они почти повсеместно дали дружные всходы, но посевы более поздние, вследствие наступившей засухи всходили неравномерно, либо даже вовсе не дали всходов. Особенно плохи были всходы на крестьянских землях, которые остались с осени, как водится, неспаханными. Весною же, вместо того, чтобы воспользоваться лучшим для ярового хлеба временем посева, когда еще земля оставалась влажною, крестьяне до Пасхи обсеяться не успели, а потом праздновали всю Пасху, где восемь, а где и десять дней, считая вместе с последними днями Страстной недели, и сеять начали только с Фоминой. Но это уже было слишком поздно, земля успела просохнуть, и благодаря такому продолжительному празднованию в самую горячую пору ярового посева, лучшее для него время было упущено. Между тем известно, что «весенний день год кормит», «весною часом опоздано – годом не наверстаешь». Но перед закоснелым обычаем русского народа во время Пасхи целую неделю, а то и более, сидеть, сложа руки, и гулять, бессильны и эти мудрые поучения стародавней народной мудрости... Чем

⁴⁰ Там же. С. 63–64.

⁴¹ Семенов С. Т. Нужды и недостатки крестьянских обществ. М., 1896. С. 27–29.

далее подвигалась весна, тем положение все более изменялось к худшему»⁴².

Это был, как говорят источники, далеко не единственный подобный случай. Вот, например, что писал 9 июня 1911 г. участковый агроном при Новооскольской уездной землеустроительной комиссии Д. Захаров губернскому уполномоченному по сельскому хозяйству: «Истекший весенний период 1911 г. в первой своей половине был далеко не благоприятен как для своевременного выполнения работ, так и для роста яровых и озимых хлебов. Возможность приступить к первым полевым работам представилась 7 апреля, когда и были произведены частью населения первые посевы овса, по большей части под бороны ввиду сырости почвы.

Наступившие праздники Пасхи прервали работы почти на 10 дней, что в значительной степени повлияло на иссушение почвы, благодаря господствующим в данной местности юго-восточным ветрам. Особенно сильно просохла зяблевая пахота, которая не была вовремя проборонована, и посев пшеницы, а также подсолнечника производился почти в сухую почву. На показательных полях и на части показательных участков, где земля была вспахана с осени, зябь была разработана сначала культиватором и заборонована, и земля сильно просушена не была. Главный сев яровых начался с 17–18 апреля и растянулся, благодаря трудной обработке просохшей земли, до 5 мая»⁴³.

Таким образом, критика А. В. Островского в данном случае также неубедительна.

Островский считает, что доля расходов на алкоголь в крестьянских бюджетах «была относительно невелика».

Однако его расчеты опровергаются данными Д. Н. Воронова, анализирующего материалы анкет 1914–1915 гг., посвященных влиянию сухого закона на жизнь крестьян.

Воронов, в частности, пишет: «Насколько недостоверны бюджетные данные, можно видеть из анкеты Московского земства о влиянии запрещения питейной торговли, где приведены расчеты алкогольных расходов на крестьянский двор по бюджетам 8-ми уездов Харьковской, Смоленской, Вологодской и Московской губерний. Эти расходы исчислены крайне низко – от 5 до 19 руб. Бюджеты по приходу-расходным

книжкам, там, где они велись, дают чрезвычайно бедный и также не типичный материал»⁴⁴.

Изъятие водки из обихода деревни имело, по мнению Д. Н. Воронова, весьма «благодетельные» последствия, поскольку затраты на спиртное составляли «весьма заметную величину в бюджете крестьянина»⁴⁵.

Но какова же была эта величина?

Об этом расходе Воронов судит, опираясь на московскую и харьковскую анкеты, которые старались учесть его.

«В среднем по Московскому уезду получилась цифра годового расхода вообще на спиртные напитки по расчету на 1 двор, состоящий из 6,66 душ, 35,41 руб. – цифра весьма малая, особенно, если принять во внимание развитие фабрично-заводской и дачной жизни в Московском уезде, обилие промыслов, близость Москвы, а также и то, что корреспонденты принадлежали далеко не к трезвым группам населения (из них 9,3% пили регулярно и 19,1% часто – см. стр. 22 анкеты). Впрочем, в самой анкете допускается возможность уменьшения расходов на алкоголь и отмечается, что корреспонденты не учитывали чрезвычайных затрат на водку, например, свадебных.

Что расчеты корреспондентов вовсе не отвечают действительным средним расходам на алкоголь московского деревенского населения, видно из данных монопольной статистики. Потребление водки в 1913 г. в сельских местностях Московской губернии составляло 1,01 ведра в 40° на душу, а на двор в 6,66 душ – 6,7 ведер на сумму, считая по казенной продажной цене, 56,28 руб.»⁴⁶.

Однако в действительности расход, по мнению Воронова, был еще выше. Аргументы он приводит следующие.

Во-первых, «значительная часть водки» покупается населением не по казенной цене, а по более высокой у шинкарей в легальных питейных заведениях. Исходя из данных своей работы «Алкоголизм в городе и деревне», Воронов пишет, что в Пензенской губернии 50% вина покупалось у шинкарей по 10 руб. за ведро вместо 8,40 руб. казенной цены. Поскольку, судя по данным анкеты, шинкарский промысел в Московском уезде едва ли был развит менее сильно, чем в Пензенской губернии, и вряд ли ценовая ситуация серьезно различалась, то душевой расход на водку нужно увеличить, по крайней мере на 6 руб.

⁴² Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. В 2 т. СПб., 1909. Т. 1. С.306–309.

⁴³ Государственный архив Курской области. Ф. 606. Оп. 1. Д. 41. Л. 6.

⁴⁴ Воронов Д.Н. Указ. соч. С. 12.

⁴⁵ Там же. С. 11.

⁴⁶ Там же. С. 12.

Во-вторых, анкета позволяет говорить о том, что жители Московского уезда потребляли, помимо водки, виноградные вина и пиво в количестве не менее 10% общего потребления по расчету на алкоголь. «Это дает около 30% алкоголя (приблизительно 20% в виде пива и 10% в виде виноградного вина) на сумму 15 руб.» (Примечание Д. Н. Воронова: «Если принять стоимость ведра пива крепостью в 4° в 1,60 руб., то один пивной градус будет стоить 40 коп.; при цене 1 бут. (1/16 ведра) виноградного вина в 10° 45 коп. стоимость винного градуса будет составлять 70 коп.»)⁴⁷.

В-третьих, душевое потребление водки в 1,01 ведра, вычисленное на основании статистики казенной продажи напитков, на деле было выше, считает Воронов, опираясь на ту же свою работу: «Дело в том, что эта статистика расчет сельского потребления производит посредством деления цифры проданного вина сельскими местами питейной торговли на число душ сельского населения, совершенно не принимая к учету то значительное количество вина, которое закупается деревенскими жителями в городах; это вино она относит на счет городского потребления и тем искусственно преувеличивает последнее.

Таким образом, истинного представления о городском и деревенском потреблении монополярная статистика нам не дает. (Выделено мною. – М. Д.)

Детально анализируя потребление вина в Пензенской губернии (главным образом по Пензенскому уезду), я пришел к выводу, что для получения цифры действительного душевого потребления вина по Пензенскому уезду нужен расчет, составленный по системе, принятой в монополярной статистике, увеличить не менее, как на 20%, уменьшив соответственным образом расчет потребления по городу Пензе.

Если принять все эти поправки, то средний расход на алкоголь по Московскому уезду должен равняться чуть ли не до 90 руб. на двор. Конечно, все выкладки для Московского уезда весьма приблизительны, и мы останавливаемся на них только для того, чтобы показать, насколько неточны или, во всяком случае, не типичны исчисления издержек на алкоголь московских корреспондентов.

Харьковская анкета, по-видимому, ближе подходит к правильному определению крестьянских алкогольных расходов. Для наиболее много-

численных групп хозяйств по посевной площади она дает следующие цифры на одно хозяйство.

посевная площадь	0,1–5,0 дес.	5,1–10 дес.
число показаний	269	202
кол-во душ на хозяйство	7,7	8,9
алкогольный расход:		
на хозяйство	69,7 руб.	71,8 руб.
на душу	9,05 руб.	9,07 руб.

Монополярная статистика определяет душевое потребление водки для сельских местностей Харьковской губернии в 0,68 вед. (1913 г.) на сумму по казенной цене 5,71 руб. Если принять в расчет вышеуказанные поправки и сравнительно большую распространенность потребления виноградных вин в Харьковской губернии, то средний алкогольный расход в ней действительно не должен быть меньше 8–9 руб. на душу, а на хозяйство – 70 руб., что составляет, по исчислениям харьковской анкеты, 16,5–21,1% всей валовой прибыли хозяйства.

Устранение столь значительной расходной статьи, конечно, должно иметь ощутительные экономические последствия для крестьянского населения»⁴⁸.

Таким образом, А. В. Островский определенно недооценивает душевое и семейное потребление алкоголя. При этом особого внимания заслуживает мнение Воронова о его (Островского) «идейных предшественниках» – статистиках, работавших с московской анкетой: «Далеко нельзя сказать также, чтобы статистики, разрабатывавшие анкетные материалы, не были склонны критически относиться к восторженному описанию деревенскими корреспондентами плодов трезвости. В иных случаях они проявляли даже излишнюю недоверчивость к сообщениям корреспондентов и стремление ослабить их выводы.

Так, московские статистики почему-то игнорировали категорическое свидетельство 46% сообщений об *улучшении* крестьянского хозяйства вследствие запрещения питейной торговли и построили, якобы на основании анкеты, свой совершенно неожиданный вывод, что крестьянские «хозяйства, несмотря на дороговизну, войну и неурожай 1914 г., *не пошатнулись*»; причем запрещению питейной торговли отвели лишь одно из мест среди факторов, сохранивших равновесие хозяйств, указывая еще на помощь семьям призванных на войну, земские ссуды на обсеменение полей, помощь кооперативов и выдачу населению казенной работы.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С.11–14.

Откуда следует такое заключение – непонятно; корреспондентским же сообщениям они не придали должного значения, мотивируя это тем, что «анкетой почти не были захвачены наиболее несостоятельные слои деревни (?), с другой стороны, отвечавшие *в громадном большинстве случаев готовы были переоценить значение прекращения продажи пива*».

Надо заметить, что корреспонденты давали сведения, между прочим, о собственных хозяйствах. Трудно допустить, чтобы они не могли уяснить себе влияние запрета на их личное хозяйство. В чем же, гг. статистики, «переоценивание» значения запрета? Этого, к сожалению, не указано⁴⁹.

На замечании московских статистиков о том, что «отгавившие (крестьяне) в громадном большинстве случаев готовы были переоценить значение прекращения продажи пива», следует остановиться особо. Это – обычная уловка земских статистиков, к которой они прибегали, встречаясь с мнениями самих крестьян, отличными от их собственных. В таких случаях земские статистики, не стесняясь, объявляли крестьян неспособными оценить элементарные вещи, связанные с их собственным хозяйством, и навязывали читателям свое мнение.

Так, нечто похожее на «переоценку» крестьянами значения сухого закона имело место, когда статистики на вопрос, что препятствует удобрению земли, нередко слышали от крестьян в ответ, что одна из причин – «переделы и переверстки земли, связанные с общинным землевладением».

Однако, по мнению статистиков, это «указание следует принимать с большою осторожностью». На самом же деле, считают статистики, «потребность в удобрении не сделалась настоятельной, и крестьяне еще не убедились в пользе этой хозяйственной операции»⁵⁰. При этом статистики сами приводили факты, когда крестьяне из-за «начавшихся переделов или в виду поднявшихся толков о переделе» прекращали удобрять землю (уже, видимо, убедившись в пользе этой хозяйственной операции).

Д. Н. Воронов касается еще одного принципиального момента, связанного с народной традицией описания и восприятия деревни: «Что же касается того соображения (статистиков. – М. Д.), что ответы наиболее состоятельных слоев населения способны усилить

значение запрета, то его совершенно нельзя считать правильным. Оно опирается на другое, также ошибочное, общее положение, которое проводится в Московской анкете... именно – что перераспределение народных доходов на почве сбережений от водки имеет тенденцию происходить в сторону более мощных слоев деревни.

Нет, отрезвление действует как раз в обратном направлении; оно поднимает и ставит на ноги главным образом низы населения: горьких пьяниц, забросивших свое хозяйство, шатунов, нищих бездомных, деревенских мастеровых и ремесленников, безлошадных хозяев, потому что в их бюджете водка играла куда более видную роль, чем в сильных хозяйствах. Поэтому, если бы в Московской анкете были полнее представлены менее состоятельные слои населения, то ответов об улучшении хозяйств получилось бы не 46%, а значительно больше.

Сами гг. московские статистики правильно замечают, ... что обрядовое пьянство, на которое шло большое количество вина, выпиваемого в деревнях (*примечание Д. Н. Воронова: «По моим исследованиям в Пензенской губернии – свыше 40% всего потребления...»*), хотя и находилось в зависимости от достатка двора, но эта зависимость была поставлена в определенные рамки обычаям, требовавшим, чтобы *расход не опускался ниже определенного минимума*.

Вот этот-то минимум, особенно при справлении свадеб, крестин, похорон, храмовых праздников и проч., оказывался куда чувствительнее для бедняка, чем для богатого. Поэтому избавление от водки первый будет приветствовать и чувствовать на своем хозяйстве гораздо сильнее, чем последний.

Совершенно справедливо замечает один из московских корреспондентов, что при трезвости «крестьяне, которые были бедные через водку, будут жить хорошо, *но зажиточным будет хуже: 1) работать задешево не пойдут; 2) землю не будут продавать, а продадут, то по дорогой цене*»⁵¹.

Особого внимания заслуживают приводимые Вороновым мнения Костромской анкеты: «Благодаря отрезвлению, последствий войны почти незаметно, неурожай уравнивается трезвым поведением прекрасно». «Хозяйство не хуже прежних пьяных лет, несмотря на то, что хлеба и травы погибли. Несмотря на голод (!? – М. Д.), трезвые исправляют свои хибарки всячески и не бедствуют». Итак, неурожай 1914 г., как

⁴⁹ Там же. С. 31–32. Курсив в цитатах принадлежит их авторам. – М. Д.

⁵⁰ Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины. СПб., 1903. С. 90–91.

⁵¹ Воронов Д. Н. Указ. соч. С.32–33.

и любой другой в конце XIX – начале XX в., здесь привычно именуется «голодом».

Трезвость не только помогла сохранить хозяйство костромских крестьян от упадка, но и повысила достаток: «С пьянством у крестьян хватало своего хлеба до масленицы, а теперь хватит до нови» (это – при неурожае)⁵² – одна эта откровенная фраза лучше долгих рассуждений показывает, что стоит за расхожим аргументом «пессимистов» о перманентной нехватке у крестьян собственного хлеба. «Важно не то, что человек говорит, а как он проговаривается», – любил повторять В. Б. Шкловский.

* * *

Даже приведенные выше сведения, которые отнюдь не исчерпывают информационный потенциал имеющихся в нашем распоряжении источников, демонстрируют, полагаю, насколько неубедительно выглядят попытки Островского «обелить», «защитить» население страны, прежде всего, крестьянство от «обвинений» в значительном потреблении алкоголя.

У меня же другой подход к этим (и не только) сюжетам.

Жители России, чью жизнь я изучаю много лет, это – в том числе – прямые предки меня самого, моих близких, моих друзей и знакомых. И меня в первую очередь интересует, как они жили. Я далек от намерения их обвинять, или, как Островский, выдавать им «индульгенции». Я хочу **понять**, насколько это возможно, их жизнь такой, какой она была, и при этом пытаюсь объяснить эту жизнь с учетом, с одной стороны, представлений того времени, а, с другой стороны, той трагической перспективы, которая ожидала наших предков после 1916 г.

Источники недвусмысленно показывают, насколько мощным и глубоким было воздействие алкоголя на повседневную жизнь жителей страны, как велика была его роль в этой жизни.

Недооценивать этот сегмент российской жизни нельзя, потому что иначе мы просто не поймем то время.

И здесь совершенно неважно (по крайней мере, для меня), какое место занимала Россия по потреблению алкоголя. Надо сказать, что застарелая и притом сомнительная идея – по **любому** поводу (и без повода) устраивать из истории вечное «спортивное» соревнование – порядком надоела. Российские проблемы – и прошлые, и

нынешние – проще от этого не станут и легче решаться не будут.

Важно подчеркнуть следующее.

У каждого народа в каждый данный момент его истории есть определенная степень готовности к переменам. Перемены, как известно, могут вести народ, условно говоря, вверх, а могут вести его вниз. К тем переменам, которые ведут вниз, народ специально готовить не надо, он, увы, всегда (почти) готов к ним. Пример – пропаганда «черного передела», которая эксплуатировала чувство зависти.

Однако введенный в июле 1914 г. сухой закон был нацелен на выявление лучшего в людях, и оказалось, что сто лет назад в нашем народе в этом смысле еще было, что выявлять, что надежда на это была не напрасна. Сто лет назад жители России поняли (в отличие от эпохи перестройки) государственную важность, оправданность этой меры и не считали ее несправедливой.

И есть серьезные основания считать, что громадный социально-психологический и социально-экономический эксперимент, начатый правительством, в начале (по крайней мере) протекал достаточно успешно.

Это доказывает – среди прочего – определенную степень открытости населения, его готовности к изменению базовых характеристик повседневности, к коррекции столь важного ее фактора, как потребление алкоголя.

Полагаем, это вписывается в общий тренд начавшегося со Столыпинской аграрной реформой изменения психологии значительной части населения, в частности – возникновении перемены в отношении крестьян к земле, в трудовой этике, шире – появлению другого взгляда на свою жизнь вообще. Это не происходит автоматически.

То, что 100 лет назад народ был способен меняться, так сказать, «взрослеть» – для меня очевидно.

В заключение не могу не поделиться следующим соображением о трудах А. В. Островского и его единомышленников. Их работы, инкриминирующие царизму все несовершенства мира, кроме смены времен года, – это обвинительные акты с отработанной структурой, выверенными обвиняющими интонациями, нагнетанием праведного обличительного пафоса и т. п., имеющие целью задним числом подверстать 1917 г. под парадигму кризиса и пауперизации.

Главный их персонаж – это народ-страдалец, некая абстрактная конструкция, нечто ро-

⁵² Там же. С. 15.

ботоподобное, своего рода одушевленная функция от внешних условий жизни – малоземелья, «непосильных платежей», надрывающаяся в тяжелом труде и пр. Для описания его жалкого существования используются слова соответствующего эмоционального спектра – «разорение», «голодовка», «нищета», «бедствия» и т. п.

Они изображают положение этого народа настолько безотрадным и безысходным, что плачевный финал 200-летней Российской империи не вызывает у большинства читателей ни малейшего сомнения в его предопределенности, никакого чувства внутреннего противодействия и пр.

И тут сам собой возникает некий парадокс, или, скорее, несуразность.

Как и многие коллеги, я иначе объясняю причины катаклизмов 1917 г. Однако предположим, что верен подход А. В. Островского и его единомышленников.

Да, до 1917 г. народ жил все хуже и хуже и, в конце концов, не выдержал, покончил с плохой жизнью и отнял, наконец, у помещиков землю.

А что же было потом?

Стал ли народ жить лучше?

Закончились ли для него «разорение», «голодовка», «нищета», «бедствия»?

Почему-то в работах этих историков ответа на это нет.

Им словно бы неизвестно, что страна с конца 1917 г. просто очутилась в другом мире, в другой реальности, в которой перечисленные слова так страшно материализовались. Они как будто и не знают ни о гражданской войне, ни о миллионах, умерших от голода и репрессий, ни о «Большом скачке», ни о «Большом терроре», не говоря о среднем и малом...

Такой вот «принцип историзма и объективности».

Но остаются, тем не менее, вопросы.

Если дореволюционные неурожай, сопровождавшиеся правительственной продовольственной помощью, именовать «голодом», то как называть голод 1920–1921 гг., голод 1932–1933 гг., голод 1946–1947 гг., а также голод блокадного Ленинграда?

Если Столыпинская аграрная реформа была «насилием», то как квалифицировать коллективизацию и раскулачивание?

Если дореволюционная деревня была разорена, то какими терминами мы будем характеризовать раскулаченную деревню с законом «о колосках» и другими подобными законами?

Полагаю, об этой «семантической инфляции» давно пора задуматься. Задуматься о том, что, если не понимать цену словам, которые употребляет историк, изучение Прошлого во многом теряет смысл.

Библиография:

1. Воронов Д. Н. Жизнь деревни в дни трезвости (по данным земских и других анкет). Пг., 1916.
2. Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX в. М., 2003.
3. Давыдов М. А. Статистика и политика // Вопросы истории. 2012. № 12.
4. Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. В 2 т. СПб., 1909. Т. 1.
5. Ермолов А. С. Сельскохозяйственные этюды. Киев, 1892.
6. Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.
7. Миронов Б. Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013.
8. О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916.
9. Островский А. В. «Пьяная деревня»: домыслы и факты // Новейшая история России. 2013. № 2 (7).
10. Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины. СПб., 1903.
11. Семенов С. Т. Нужды и недостатки крестьянских обществ. М., 1896.

References (transliterated):

1. Voronov D. N. Zhizn' derevni v dni trezvosti (po dannym zemskikh i drugikh anket). Pg., 1916.
2. Davydov M. A. Ocherki agrarnoi istorii Rossii v kontse XIX — nachale XX v. M., 2003.
3. Davydov M. A. Statistika i politika // Voprosy istorii. 2012. № 12.
4. Ermolov A. S. Nashi neurozhai i prodovol'stvennyi vopros. V 2 t. SPb., 1909. T. 1.
5. Ermolov A. S. Sel'skokhoziaistvennye etyudy. Kiev, 1892.
6. Litoshenko L. N. Sotsializatsiya zemli v Rossii. Novosibirsk, 2001.
7. Mironov B. N. Strasti po revolyutsii. Nravny v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii. M., 2013.
8. O vliyaniy voyny na nekotorye storony ekonomicheskoi zhizni Rossii. Pg., 1916.
9. Ostrovskii A. V. «P'yanaya derevnya»: domysly i fakty // Noveishaya istoriya Rossii. 2013. № 2 (7).
10. Rittikh A. A. Zavisimost' krest'yan ot obshchiny. SPb., 1903.
11. Semenov S. T. Nuzhdy i nedostatki krest'yanskikh obshchestv. M., 1896.